

УДК 811.11

UDC 811

10.00.00 Филологические науки

Philological sciences

**СРЕДСТВА НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ
КАК МАРКЕР КОНФЛИКТНОСТИ
СИТУАЦИИ****INDIRECT COMMUNICATION MEANS AS
CONFLICT SITUATION MARKERS**

Здановская Лидия Борисовна
кандидат филологических наук
доцент
SPIN – код: 7701-1615

Zdanovskaya Lidia Borisovna
Cand.Philol.Sci., associate professor

RSCI SPIN - code: 7701-1615

Непшекуева Тамара Сагидовна
доктор филологических наук
заведующая кафедрой иностранных языков
SPIN – код: 6353 – 0586; ID: 5097363
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар,
Россия*

Nepshekueva Tamara Sagidovna
Dr.Sci.Philol.
Head of the chair of foreign languages
RSCI SPIN – код: 6353 – 0586; ID: 5097363
*Kuban State Agrarian University, Krasnodar,
Russia*

В статье рассматриваются вопросы не прямой коммуникации в ситуации конфликта. Отмечается многоплановость средств реализации коммуникативной стратегии как в плане их разнообразия, так и в плане их эксплицитности/имплицитности. Подчеркивается роль распознавания маркеров соответствующих смыслов в не прямой коммуникации как части коммуникации в целом. Важное значение в коммуникативном процессе для осмысления не прямой коммуникации имеет изучение невербалики как источника скрытого информативного материала, независимого от семантики речи, и, значит, имеющего повышенную достоверность. Невербалика играет особую роль в декодировании не прямой коммуникации в сфере дипломатических отношений. Маркерами реализации скрытой коммуникации становятся такие отклонения от своеобразной поведенческой, эмоциональной и телесно-поведенческой нормы человека, как взволнованность, смена стиля одежды, выражения лица, манеры курить, противоречия между вербальными и невербальными поступками. Способность декодировать визуальную, невербальную информацию, как и особенности паралингвистического аспекта коммуникации, является залогом ее эффективности. При этом паралингвистические средства могут реализовывать не прямое общение при нарушении общепринятых социальных или своеобразных норм поведения личности. Своеобразная норма может стать проводником не прямой коммуникации, неся в себе конфликтотенный потенциал не только при ее нарушении или отклонении от нее, но и при применении ее интенсивности, чрезмерности, когда реализуется ее амбивалентный характер

The article considers the problems of indirect communication in conflict situations. The diversity of means of communicative strategies realization in terms of their diversity, and in terms of their explicitness/implicitness is noted. The role of corresponding meanings markers discernment has been emphasized in indirect communication as part of communication in general. It is important in the communication process for understanding indirect communication to study non-verbal means as a hidden source of informative material, independent of the semantics of speech, and that means having increased reliability. Non-verbal means play a special role in decoding indirect communication in the field of diplomatic relations. Markers implementing covert communication are such deviations from the original behavioral, emotional, bodily and behavioral norms of human like agitation, change of clothing style, facial expressions, manner of smoking, and contradictions between verbal and non-verbal actions. The ability to decode visual and non-verbal information, as well as features of paralinguistic aspect of communication is the key to its effectiveness. At the same time, paralinguistic funds may implement indirect communication in violation of generally accepted social norms or originality of a person's behavior. The norm of originality can become a conduit for indirect communication, carrying the potential for conflict, not only at its violation or deviation from it, but when you apply the intensity, excessiveness; when realized its ambivalent character

Ключевые слова: НЕПРЯМАЯ

Keywords: INDIRECT COMMUNICATION,

КОММУНИКАЦИЯ, МАРКЕР, ВЕРБАЛЬНЫЕ
СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ,
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
КОММУНИКАЦИИ, ЯЗЫК ТЕЛОДВИЖЕНИИ
(BL), ПАРАВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
КОММУНИКАЦИИ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ
КОНФЛИКТ, ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЙ
КОНФЛИКТ

MARKER, VERBAL COMMUNICATION MEANS,
NON-VERBAL COMMUNICATION MEANS,
BODY LANGUAGE, PARA-VERBAL
COMMUNICATION ASPECT, INTERPERSONAL
CONFLICT, INTRAPERSONAL CONFLICT

Doi: 10.21515/1990-4665-122-015

Несмотря на то, что все национальные языковые системы значений различны, в речи передаются одни и те же смыслы, т.е. различаются языки, но не речь на этих языках [1, 34-44]. Многие лингвисты отмечают также, что в общем коммуникативном континууме доля коммуникации посредством лишь языковых средств (т.е. при отсутствии невербалики, имплицатур, косвенных речевых актов, общей не прямой тональности коммуникации) не так велика. Отсутствие в языке эксплицитных языковых категорий для передачи смыслов компенсируется эксплуатацией «скрытых» категорий, категорий не прямой коммуникации, и здесь особенно актуальным становится выделение маркеров соответствующих смыслов. При том, что никакая коммуникация не обходится без не прямой коммуникации, прерогатива использования прямой или не прямой коммуникации используется в разных языках по-разному.

Для осмысления не прямой коммуникации большое значение имеет изучение невербальной коммуникации, которая играет важную роль в общем пространстве коммуникации и которая предоставляет собеседнику информативный материал, воспринимаемый им независимо от того, хотел ли его эксплицитировать говорящий.

В широком смысле невербальная коммуникация трактуется как невербальное поведение, или социально обусловленная система взаимодействия, с преобладанием произвольных, неосознаваемых движений, выражающих личную неповторимость личности [5].

Важнейшей особенностью невербальной коммуникации является то, что она имеет полисенсорную природу. Так, в процессе общения через слуховые каналы передается часть невербальной информации, выраженной в голосе говорящего. Канал зрения воспринимает особенности кинесики. Восприятие физического контакта с собеседником обеспечивается гаптической (акты касаний) и кинесической системами. Хоморецепция – важный канал невербальной информации для восприятия обыденных запахов человеческого тела, свидетельствующих о состоянии здоровья, гигиены, эмоционально-психологическом состоянии и т.п. [4]. Как видим, полисенсорность невербальной коммуникации дает человеку возможность получать биологически и социально необходимую информацию из внешнего мира.

Невербальная коммуникация особенна и тем, что является независимой от семантики речи. Это особенно проявляется там, где слова означают одно, а информация – другое. Между невербальным и вербальным сообщениями могут складываться соотношения следующего характера: невербальное сообщение соответствует и дополняет вербальное, подтверждает и усиливает его; невербальное сообщение противоречит вербальному; невербальное сообщение не соответствует вербальному и касается совершенно другого предмета, чем вербальное (там же).

Особенно важно учитывать специфику невербальной коммуникации в сфере дипломатических отношений. В статье «Как обнаружить шпиона» журнал *The Economist* пишет, что двойного агента, который приступает к секретной деятельности, можно распознать по изменениям в телодвижениях [7, 36]. По утверждению Дж. Наварро, бывшего сотрудника ФБР, дипломат, выступающий в роли двойного агента, при переходе от будничной работы к исполнению секретного задания становится взволнованным. Человек, скрывающий нечто очень важное,

подсознательно меняет стиль одежды, выражение лица, манеру курить, смотреть на часы, свою проксемику относительно витрин, и т.п. Т.е., происходят изменения относительно своеобразной нормы поведения человека. Одно из успешных раскрытий по программе анализа поведенческого анализа было обнародовано в 1999 г., когда агент, обученный Дж. Наварро обратил внимание на любопытные невербальные сигналы одного из дипломатов, и последующее расследование привело к обнаружению жучка в государственном департаменте. И сегодня, по его утверждению, почти все агентства федеральной безопасности изучают язык телодвижений (BL) не только представителей дипмиссий, но и лидеров государств, и пентагон тратит огромные суммы на анализ модели их BL, особенно лидеров «потенциально враждебных государств». При этом суть анализа заключается не столько в обнаружении некой нервозности или лжи, а скорее в том, чтобы обнаружить состояния несоответствия между вербальным и невербальным поведением. Например, вербальное отрицание при качании головой немного дольше обычного – «micro expression» - «микро выражения». И это то «немного», которое длится не более 1/25 секунды и свидетельствует о скрываемых эмоциях. Однако суть «микро выражения» бывает не всегда ясна (там же). Особое значение имеет контекст BL.

Язык телодвижений изучается и другими государствами. Один из израильских журналов в 1979 году сообщал о неприязни Саддама Хусейна к Израилю и его ненависти к Ирану на грани вторжения в эту страну. Утверждения базировались на результатах анализа BL. Через 11 месяцев танки Саддама вторглись в Иран.

BL-анализ особенно актуален в наше «террористическое» время, и неудивительно, что США с 2007 года потратили 900 миллионов долларов на декодирование BL пассажиров аэропортов для прочтения не прямых

сообщений VL, хотя известно, что это стало панацеей. Алан Пиз, известный VL-специалист из Австралии, утверждает, что его услугами пользуются три российских ведомства для декодирования VL западных лидеров [там же].

Таким образом, своеобразный VL, и особенно нарушение его нормы, являются серьезным каналом не прямой коммуникации.

Для реализации не прямых коммуникативных стратегий и тактик нередко используются параязыковые, или паралингвистические единицы, т.е. голосовые элементы невербальной семиотики, дополнительные к речевому коду, «включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию [4, 27].

К центру паралингвистической системы относят неречевые звуки ротовой и носовой полостей человека; звуковые комплексы – часть физиологических реакций, семиотизация которых происходит в акте коммуникации; голос с его постоянными и переменными качествами и особенностями, фонации; параязыковая просодика как часть процесса коммуникации; значимые молчания и паузы [2; 4]. На периферии системы находятся вентрологические звуки, звуки природы, механизмов как часть человеческой среды и коммуникации и т.п.

Эффективность коммуникации зависит не столько от того, насколько понятна собеседнику вербальная информация, сколько от того, в какой мере он способен декодировать визуальную информацию, которая передается невербальными средствами, т.к. язык является хотя и самым действенным и продуктивным средством человеческого общения, но не единственным [3; 8]. Известно утверждение о том, что из вербальной коммуникации собеседник воспринимает не более 40% информации, остальная же информация воспринимается от не прямых, несловесных, т.е.

невербальных средств – символов, знаков, кодов, для передачи информации и сообщений в процессе общения [6; 2; 5].

Особенности паралингвистического аспекта, как и VL коммуникации может свидетельствовать нарушении общепринятых социальных или своеобразных норм поведения личности и косвенно указывать на конфликтогенность ситуации. Обратимся к примеру, где нарушение социальной нормы выливается в социальный конфликт:

The gentry thought him extremely vulgar and I have no doubt that he was vain and boastful. They complained of his loud voice and his strident laugh – when he was talking to somebody on one side of the street you heard every word he said from the other – and they thought his manners dreadful. He was much too friendly; when he talked to them it was as though he were not in trade at all; they said he was very pushing. But if he thought his hail-fellow-well-met air, his activity in public works, his open purse when subscriptions were needed for the annual regatta or for the harvest festival, his willingness to do anyone a good turn were going to break the barriers at Blackstable he was mistaken. His efforts at sociability were met with blank hostility [13, 77]. –

Местные землевладельцы-дворяне считали его вульгарным, и я не сомневаюсь, что он был, в самом деле, тщеславен и хвастлив. Ему ставили в упрек громкий голос и резкий смех – когда он с кем-нибудь разговаривал, каждое слово было слышно на другой стороне улицы, – а его манеры считали ужасными. Он был слишком общителен и вел себя с ними так, как будто вовсе и не занимался торговлей, и они говорили, что он чересчур навязчив. Но если он надеялся, что его панибратство, участие в общественных мероприятиях, щедрые взносы на проведение ежегодной регаты или праздника урожая и готовность оказать всякому услугу могут пробить для него дорогу в Блэкстебле, то он ошибался. Его общительность вызывала к нему лишь враждебное отношение [10, 239].

Социальный конфликт между личностью и группой основан на неприятии принятой социальной нормы. Конфликт имеет аксиологическую лексическую реализацию через следующие маркеры: *extremely vulgar, loud voice, strident laugh, manners dreadful, much too friendly, very pushing*. При этом если громкий голос, резкий смех, ужасные манеры навязчивость являются прямыми конфликтогенами, то общительность, в обычном случае синтон, несущий в себе позитивный заряд, в данном случае превышения нормы приобретает амбивалентный характер и становится конфликтогеном.

Важным свойством паралингвистики является ее способность организовывать и определять коммуникативный акт, поскольку паралингвистические средства в той или иной степени представлены практически в каждом устном высказывании.

Паралингвистически бывает отмечен конфликт представления, причинами которого могут быть толерантность по отношению к собеседнику, хитрость, злой умысел и т.д. Встреча молодого автора с Розой после ее побега с мужем из Блэкстебла демонстрирует такую ситуацию:

‘I am glad to see a Blackstable face,’ she said. ‘You know we left there in a hurry.’

She laughed and I laughed too; but her laugh was mirthful and childlike, while mine, I felt, was strained [13, 150 – 151]. –

– Как я рада видеть живую душу из Блэкстебла, – сказала она.– Вы же знаете, мы уезжали оттуда в такой спешке.

Она засмеялась, и я тоже; но ее смех был веселым и детски радостным, а мой, я это чувствовал, – несколько напряженным [10, 86].

Нарушение своеобразной манеры смеяться, ее неестественность выдают и маркируют внутренний конфликт юноши, его смех не совпадает по семантике со смехом его собеседницы и свидетельствует о том, что встреча нечужих людей не отмечена естественной радостью. Это свидетельствует о противоположности их отношения к ситуации побега Дрифилдов из Блэкстебла, а также и о конфликте автора с самим собой. Возможно, он не хотел выдавать своего истинного отношения к ситуации и казаться консервативным, выглядеть старомодным в своих взглядах на жизнь. А может быть, просто не хотел обидеть симпатичную ему женщину или не хотел обнаружить своего осуждения. Маркером внутреннего конфликта здесь является желание скрыть свое отношение к поступку Дрифилдов реализуемое невербальными возможностями коммуникации молодого автора – напряженность и дискомфорт.

Не своеобразная телесность героя, выраженная лексически, в следующем случае маркирует его внутренний конфликт. Понурость, удрученность, тревожный блеск глаз человека оптимистичного и живого, конечно же, выдают его внутреннее состояние:

I smiled, for his appearance, so rotund and yet so startled, could never fail to excite a smile, and then as I came nearer I noticed that he seemed singularly disconsolate. He looked woebegone and yet ridiculous, like a man who has fallen into the water with all his clothes on, and, being rescued from death, frightened still, feels that he only looks a fool. *Turning round, he stared at me, but I perceived that he did not see me.* His round blue eyes looked harassed behind his glasses [12, 108-109]. –

Я улыбнулся, ибо его кругленькая особа неизменно вызывала улыбку, но, подойдя ближе, заметил, что вид у него против обыкновения понурый. Чем-то очень удрученный, Струве, тем не менее, был смешон, как человек неожиданно упавший в воду: только что спасенный от смерти, он насквозь

промок, еще не оправился от испуга, но понимает свое дурацкое положение. Его круглые голубые глаза тревожно блестели за очками [9, 88].

Однако переводчик произведения опустил одно предложение оригинала текста, которое также весьма точно описывает состояние внутреннего конфликта героя – он смотрел на автора, но не видел его. Рассогласование физических действий их физиологической функции возможны в состоянии стресса, что и маркирует внутреннее состояние героя.

Робость перед публичностью, неспособность преодолеть внутренние психологические установки послужили конфликтогенном внутреннему конфликту начинающего литератора в следующей ситуации:

I was introduced to this celebrated person after that one, and the kind words they said about my work made me excessively uncomfortable. I felt they expected me to say clever things, and I never could think of any till after the party was over. I tried to conceal my embarrassment by handing round cups of tea and rather ill-cut bread-and-butter. I wanted no one to take notice of me, so that I could observe these famous creatures at my ease and listen to the clever things they said [12, 14]. –

Меня представляли то одной, то другой знаменитости, и я краснел до корней волос, выслушивая добрые слова о своей книге. Я чувствовал, что от меня ждут остроумных реплик, но таковые приходили мне в голову лишь по окончании вечера. Чтобы скрыть свою робость, я усердно передавал соседям чай и плохо нарезанные бутерброды. Мне хотелось остаться незамеченным, чтобы спокойно наблюдать за этими великими людьми, спокойно слушать их умные речи [9, 15].

Начинающий литератор испытывает внутренний конфликт от своей неспособности удовлетворить ожидания группы. Маркеры конфликта

лексические, описывающие робость, желание скрыть ее и остаться незамеченным в состоянии чрезмерного дискомфорта от непривычной публичности. Таковы маркеры оригинала текста. В переводе же кроме лексических маркеров присутствует маркер VL – краснел до корней волос – так передается состояние «excessively uncomfortable». Тем не менее, следует отметить, что и в данном случае одним из конфликтогенов является нарушение ожидаемой нормы поведения, надежд, возлагаемых на литератора.

Нарушение естественного, своеобразного в паралингвистическом аспекте и в VL также являются непрямыми коммуникантами внутреннего конфликта. Голосовые особенности речи и прежде всего отклонение от ее характерных признаков оказывают влияние на восприятие адресатом информации. Они придают сообщению аксиологическую или экспрессивную стилистическую окраску. Голос служит мощным средством воздействия, убеждения и подавления, он передает самые разные чувства и отношения, может служить маркером внутриличностного и межличностного конфликта, как в следующем случае:

She looked at him now and saw that his eyes were fixed on his plate. He made another observation, equally trivial, about tennis tournament that was about to be played, and he spoke at length. His voice as a rule was agreeable, with a variety of tone, but now he spoke on one note. It was strangely unnatural. It gave Kitty the impression that he was speaking from a long way off. And all the time his eyes were directed to his plate, or the table, or to a picture on the wall. He would not meet hers. She realized that he could not bear to look at her [14, 51 – 52]. – Она взглянула на него и увидела, что он смотрит вниз, в тарелку. Он сказал еще что-то, такое же незначущее, насчет предстоящего теннисного турнира. Обычно голос у него был приятный, богатый интонациями, но сейчас он говорил на одной ноте, до странности неестественно. Казалось,

его голос доносится откуда-то издалека. И взгляд был обращен то в тарелку, то на стол, то на стену, где висела картина. Но от Кити он упорно отводил сглаза. Она поняла, что смотреть на нее он не в силах [11, 45].

Голосовые характеристики, окулесика, приведенные в тексте, говорят о внутреннем напряжении и рассогласованности. Они свидетельствуют о внутреннем конфликте героя, а также о межличностном – о возникновении духовной и коммуникативной дистанции.

Как видим, паралингвистические характеристики (голос, взгляд, движения глаз) могут соответствовать переживаемым чувствам, межличностным отношениям. Эти соответствия, будучи весьма устойчивыми, образуют в сознании людей стереотипные представления о формах проявления эмоций, о структурах поведения, которые отражаются в речевой просодике [4]. Воспринимающему паралингвистические характеристики, важно понять не столько, что сказано, сколько, как сказано, т.е., чтобы услышать и понять недосказанное, невысказанное и, может быть, самое главное. Паралингвистические характеристики, как и язык телодвижения являются надежным средством передачи эмоций и отношений между людьми и их речевыми действиями благодаря тому, что они в определенной степени синхронизированы с психическим состоянием человека в каждый данный момент.

Таким образом, очевидно, что непрямая коммуникация идет рука об руку с прямой коммуникацией. Ее активным средством передачи информации служат паралингвистические средства выражение, а также ВЛ. Все это делает человеческий фактор адресата речи решающим в интерпретации высказывания, особенно в ситуации описывающей внутриличностный и межличностный /социальный конфликты. При этом способность собеседника декодировать визуальную информацию в значительной мере передаваемую невербальными средствами или

<http://ej.kubagro.ru/2016/08/pdf/15.pdf>

передаваемую паралингвистическими средствами определяет эффективность коммуникации. Все это справедливо и в случае конфликтной ситуации. Голос, телодвижения, образы собственного тела, а также впечатления тоже представляют собой весьма разнообразный вид невербальных маркеров конфликтности ситуации, но они являются наименее контролируемыми сознанием, а значит, и более достоверными. При этом особое значение имеет умение декодировать и интерпретировать нарушения нормы от своеобразности или устоявшихся социальных установок.

Литература

1. Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты) Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989.
2. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980.
3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. Серия "Лингвистическое наследие XX века". Изд.2. – М: Едиториал УРСС, 2005.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / – М.: НЛЮ, 2002.
5. Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. проф. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2005.
6. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: Альфа-М, 2004.
7. The Economist, January 24, 2015
8. Scherer K.R., Wallbot H.C. Analysis of Nonverbal Behavior // Handbook of Discourse Analysis. T.A. van Dijk (Ed.). Vol.2. – London: Academic Press, 1985. P. 199 – 230.

Источники иллюстративного материала

9. Моэм У.С. Луна и грош / Пер. Н. Ман. – М.: Художественная литература, 1991.
10. Моэм У.С. Пирог и пиво, или Скелет в шкафу / Пер. А.Иорданского. – М.: Художественная литература, 1991.
11. Моэм У.С. Узорный покров: Роман / Пер. с англ. М. Лорие. – М.: ЭКСМО – Пресс, 2001.
12. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. Книга для чтения на английском языке. – М.: Менеджер, 2000.
13. Maugham W.S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. – М.: Progress Publishers, 1980.
14. Maugham W.S. The Painted Veil. Книга для чтения на английском языке. – М.: Международные отношения, 1981.

References

1. Boruhov B.L. Rech' kak instrument interpretacii dejstvitel'nosti (teoreticheskie aspekty) Dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1989.
2. Gorelov I.N. Neverbal'nye komponenty kommunikacii. – М.: Nauka, 1980.

3. Kolshanskij G.V. Paralingvistika. Serija "Lingvisticheskoe nasledie HH veka". Izd.2. – M.: Editorial URSS, 2005.
4. Krejdlin G.E. Neverbal'naja semiotika: Jazyk tela i estestvennyj jazyk / – M.: NLO, 2002.
5. Osnovy teorii kommunikacii: Uchebnik / Pod red. prof. M.A. Vasilika. – M.: Gardariki, 2005.
6. Sadohin A.P. Mezhhkul'turnaja kommunikacija: Uchebnoe posobie. – M.: Al'fa-M, 2004.
7. The Economist, January 24, 2015
8. Scherer K.R., Wallbot H.C. Analysis of Nonverbal Behavior // Handbook of Discourse Analysis. T.A. van Dijk (Ed.). Vol.2. – London: Academic Press, 1985. P. 199 – 230.
- Istochniki illjustrativnogo materiala
9. Mojem U.S. Luna i grosh / Per. N. Man. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1991.
10. Mojem U.S. Pirogi i pivo, ili Skelet v shkafu / Per. A.Iordanskogo. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1991.
11. Mojem U.S. Uzornyj pokrov: Roman / Per. s angl. M. Lorie. – M.: JeKSMO – Press, 2001.
12. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. Kniga dlja chtenija na anglijskom jazyke. – M.: Menedzher, 2000.
13. Maugham W.S. Cakes and Ale: or the Skeleton in the Cupboard. – M.: Progress Publishers, 1980.
14. Maugham W.S. The Painted Veil. Kniga dlja chtenija na anglijskom jazyke. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1981.